

To [**Roman Rodenko**] the Prosecutor General of the USSR

Petition Letter

[City of Semipalatinsk. 29 March 1955]

From prisoner **Eloyan Rotefan Markosovich**
1925 year of birth.
Sentenced in Moscow in 1950
pursuant to Article 58.1.B
to a 10 year term
in correctional work camp.

This is my second petition. I wrote the first at the end of 1953. I don't remember who it was written too. My family's difficult living conditions (two small children, wife and elderly parents) compel me to ask you again to reconsider my case. Allow me to introduce myself.

Before the War I lived and studied in Moscow. In June of 1941 I joined the Red Army—13th Infantry Volunteers Division, armored battalion. In October 1941 I was wounded by shrapnel in my leg during a fall back near the town of Vjazma. While recovering in the camp hospital I was taken prisoner. My life since that time has been nothing but suffering. I have suffered deprivation, hunger, rubber truncheons, sticks, and German boot heels so severe that I could not stand. Sometimes I thought I could not go on. Perhaps you can imagine what German captivity was like. It was especially difficult for me given my [uncompromising] character.

But then came 1945. The Americans liberated our camp¹ and it seemed that our sufferings would come to an end. But!

In 1945 I returned to the Motherland, but during our trip home we were ridiculed as loathsome ex-prisoners rather than liberators from the fascists. I made it back home to Moscow in 1946 where I found my seventy-year old aunt caring for my ill father who had returned from the war, and learned of my elder brother's death in battle near Moscow in 1941.

I married the same year. My first son was born in 1947 and the second in 1948. My life wasn't easy. I worked hard. I am a professional mechanic and worked in a factory. In my free time I earned money on the side as a loader in the artel [collective] "Mospogruz" where I eventually went full time. The pay was better and I liked working in a collective.

In 1949 due to my moral scruples I got into trouble and was put on trial for no reason. One Sunday I was standing in a queue at a market when I noticed a militiaman who was supposed to be keeping order in the queue actually breaking the rules himself by letting his friends cut in front. I made some comment which led to an exchange of words, then a small fight.

Because of this incident I was sentenced three hours later to one year in prison under Article 74 which accused me of being a thug. The director of the shop where the incident occurred testified against me, but was sentenced himself several months later for real crimes.

I spent 8 months in a camp and was released early on good behavior.

¹ Family Note: Saalfeld, Germany. Rotefan's memoirs of Saalfeld are filled with descriptions of resistance, sabotage and beatings. Saalfeld was his last Nazi prison camp because the U.S. Army 87th Infantry Division liberated their Saalfeld concentration camp on April 13, 1945. Two weeks later Rotefan found his way north to the U.S. Army 69th Infantry Division near Colditz, Germany where he served before returning to Moscow later in 1945.

You can imagine the stress this placed on my family with the lack of money. Moreover, my son was ill in the hospital that whole winter.

A few months later I was arrested again. They came in the night at 3:00 AM with a warrant for my arrest and search. After a 3 hour search I was taken away in a way that would lead my neighbors to believe I was some big enemy of the state. What were my wife and others to think? Her opinion is very valuable to me.

The investigation was physically and mentally exhausting. The investigator tore at my soul for three months. He hurled horrendous obscenities. He deprived me of sleep the entire time, sometimes for two weeks at a time.

He interrogated me only at night. I was put in a cold punishment cell a few times--a so-called sobering-up station under stairs where one was not allowed to sleep more than five minutes at a time.

After the investigation ended, I hoped for justice at trial because when I signed Article 206 the investigator and prosecutor told me that I could prove my innocence in court. But the trial never occurred, they lied to me.

I was transferred from Lubyanka prison to the Butyrka prison where after three months I was forced to sign a four line statement--the Special Conference Decision, condemning me.

Without a trial I was sent to [a Special Camp at] Karaganda.²

For the last five years I have been transferred to camps and prisons around half of the country, including the Norilsk polar region.³

What horrors I have seen and what sufferings I have experienced!

I will be 30 years old soon. I am in bad health and believe that I will die soon.⁴

I feel especially bad because my family needs me desperately. My older son is a first-grader and my father finds it hard to live without me—his only living child. My dad is very old and ill having been wounded many times. He has gone through a lot in his life and has been a member of the Party since 1920. I want to make his life happier by being near him.

Prosecutor General! I swear that I am not guilty of any of the crimes of which I am accused. All this has happened because of unfortunate circumstances, evil people, and my [stalwart] character.

City of Semipalatinsk. 29 March 1955⁵

Prepared by Michael T. McKibben, website engineer for the 69th Infantry Division Association, and son-in-law of Jerry Hoovler, 69th Inf Div 272nd Inf Reg K Co, and Vladislav Eloyan, grandson of Rotefan Eloyan.

² Family Note: Special Camp № 8 named "Peschanlag" or "Peschanuy Lager" (translated "Sandy Camp") near the town of Karaganda (identified in Alexander Solzenitzyn's *The Gulag Archipelago*. p. 532).

³ Family Note: Rotefan was incarcerated in ten (10) camps and prisons in total, including Lubynaka, Butyrka, Karaganda, Norilsk, Krasnoyarsk, Sverdlovsk, Vladimir, Semey (Semipalatinsk), and Vorkuta.

⁴ Family Note: Rotefan was released nine months after writing this petition. He died four years later on February 18, 1960 of tuberculosis at age 34, *fully exonerated* of the crimes he was accused of having committed.

⁵ Family Note: After a stint in a Vladimir prison Rotefan was transferred to a camp near the town of Semey which was also the site of the USSR's Semipalatinsk nuclear testing facility until its closure in 1990. In March 1955 Rotefan wrote this letter in March 1955 to Roman Rodenko, then Chief Prosecutor of the Soviet Union (and the USSR's chief prosecutor during the Nazi War Crimes Trials at Nuremberg), appealing for an end to the enforced slavery of Soviet citizens and many WWII patriots. This letter appears not to have fallen on deaf ears. The last camp before his release was Vorkuta Special Camp № 6 "Rechlag" (translated "River Camp") near the town of Vorkuta, site of another uprising two years earlier which had been contemporaneous with the Norilsk Uprising which Rotefan had helped organize to protest the treatment of Soviet citizens and returning WWII patriots. Unfortunately, by the time of his release in December 1955 Rotefan had contracted tuberculosis—a parting gift of the Gulag.

Генеральному Прокурору С.С.С.Р.

№ 17017
Вот заключенного Слояна
Роттерана Маркосовича
1925 года рождения.
осужденного в Москве 1950
по ст. 58 1б сроком на 10 лет
исправительно-трудовых
лагерей.

Жалоба

Пишу вторую жалобу, первую написал в конце 1953. не помню на имя кого. Тяжелое положение моей семьи (двух маленьких детей, жены и стариков) обязывает меня еще раз обратиться к Вам с просьбой пересмотреть мое дело. Немного расскажу Вам о себе.

До войны я жил и учился в Москве. В июне 1941 года я записался добровольцем в Красную армию, был зачислен в отдельный бронетанковый батальон 13-ой стрелковой дивизии. В октябре 1941 года при отступлении под Вязьмой меня тяжело ранило осколком пушки в ногу и находясь в полевом госпитале я попал в плен. С этого дня жизнь для меня стала сплошной мукой. Ужасное положение, голод длившийся годами, резиновые шланги, палки, кобушки немецких сапог от которых не один раз по неделям я не мог подняться, а бывало так что думаю, вот этот раз мне больше не подняться. Да Вы и сами наверно представляете себе что такое немецкий плен. А особенно было плохо мне, с моим неспокойным характером.

Но весной 1945 год американцы освободили наш лагерь. Казалось бы, что страданиям пришел конец! Но!

В 1945 году я вернулся на родину, правда дорогой нам всегда давали чувствовать что мы бывшие пленные, меня и без этого было тяжело, при мысли что я так много сделал для освобождения от фашистов. В 1946 году я приехал домой в Москву. Дома я нашел большого отца вернувшегося с войны, семидесятилетнюю тетю, которая после смерти моей матери заменяла мне мать и вестя о том, что старший брат в 1941 году погиб под Москвой.

В этом же году я женился, в 1947 году у нас родились сын, в 1948 второй. Мне было не легко, я много работал. По специальности я слесарь работаю на заводе, в свободное время ходил подрабатывать грузчиком, а потом совсем перешел работать грузчиком в артель «Мостогруз» здесь хорошо платили и мне нравился дружный коллектив грузчиков. Скажу откровенно все это время я чувствовал себя счастливым.

Но вот опять беда. В 1949 году, за пустяк, опять за мой характер я попал под суд. Однажды в воскресенье я сам пошел на базар. Стоя в очереди я заметил что милиционер наблюдавший за порядком в очереди сам его нарушает т.е. пропускает своих знакомых вне очереди, я сказал ему об этом после этого мы с ним поругались и дело опять дошло до маленькой драки.

За это меня через три часа судили и дали 1 год по 4 ст. сделав меня хулиганом, свидетелем против меня был директор этого магазина - которого через несколько месяцев судили по указу.

Я отбыл в лагере месяцев восемь, получив за хорошую работу звание вернутой домой.

Можете представить себе сколько горя пришлось пережить семье лишившись денег, которые я зарабатывал, да еще сын болел, пролежав в госпитале всю зиму.

Через пару месяцев меня снова арестовали, в три часа ночи зашли и предъявили ордер на арест и обыск, после трехчасового обыска увели на глазах у всего дома, как крупного государственного преступника. Что могла подумать моя жена и другие? А ее мнение для меня очень дорого.

Следствие для меня было тяжелым моральным и физическим мучением. Три месяца следователи терзали мне душу. Оскорблял меня сопровождая стойкотными матом, три месяца он не давал мне спать, порой по две недели подряд.

Вопрос вел только ногой, а за то что в камере днем заснешь хоть пять минут

администрация тюрьмы сажала в холодный
карцер так называемый «отрезвитель» под
лестницей - куда я неоднократно попадал.

Окончив следствие я надеялся на справедливость
суда, так как при подписании 206 ст. следователь
и прокурор сказали мне что будет суд и я смогу
доказать свою правоту, но суда я не дождался
следователь и прокурор меня обманули.

Из Лубянской тюрьмы меня перевели в
Бутырскую тюрьму, где через три месяца мне
дали подписать маленькую бумажку с четырьмя
коротенькими строками - Решение Особого совещания

Не разрешив даже свидания, меня повезли
в Караганду.

За эти пять лет я обездол половину страны,
был и в запазрье в гор. Норильске.

Какие только ужасы я не видел и чего только
мне не пришлось пережить на себе!

Сейчас мне скоро будет тридцать лет, а
здоровье у меня такое, что я чувствую что
немного мне осталось жить.

Сейчас мне особенно тяжело, семья моя
крайне нуждается в моей помощи, старший
сын уже учится в первом классе, да и старикам
тоже тяжело доживать свой век без меня -
единственного сына, отец мой уже старый
больной много раз ракек, много пережил
в своей жизни с 1920 года в плен партии и мне
хотелось бы своим присутствием немного
украсить ему жизнь.

Гражданин Генеральный прокурор! еще раз
заявлю Вам что во всех преступлениях в которых
меня обвиняют я совсем не виноват, все это
потому что так сложились обстоятельства и
у людей еще есть зло, да еще характер у
меня такой.

Славя.

гор. Селифопольск 29 марта 1955г.